

МАРИНА СЕРОВА

Млечный путь

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Как в страшной сказке

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Как в страшной сказке / М. С. Серова — «Научная книга»,
2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Повесть М. Серовой «Как в страшной сказке» входит в состав авторского сборника «Млечный путь». Частный детектив Татьяна Иванова занимается выяснением обстоятельств смерти молодой девушки, по просьбе ее мамы...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Как в страшной сказке

ГЛАВА 1

Лето в этом году выдалось невыносимо жарким. Впрочем, в последние годы это стало закономерностью, по крайней мере, для Тарасова. И по прогнозам ученых, изменения климата в сторону потепления будут продолжаться.

Водителя-экспедитора кафе «Венеция» Владимира Леонидовича Кострова совсем не радовала перспектива того, что теперь каждое лето красная ниточка термометра будет неумолимо рваться вверх, превышая отметку +35 °С, а на солнце – даже и все +40 °С.

Владимир Леонидович плохо переносил жару, маялся, не находил себе места... Он не мог сосредоточиться на работе. Правда, в настоящий момент работы как таковой практически не стало по причине отсутствия клиентов, и порой Кострову просто нечего было делать. И это тоже выбивалось за обычную шкалу его жизненных составляющих, а следовательно, добавляло дискомфорта и нервозности. Посему даже использовать вынужденный перерыв для отдыха Костров не мог: ничто не радовало, не приносило удовольствия, все отравляла чертова жара. Поэтому он, не привыкший, в сущности, сидеть без дела, шатался по кафе, заглядывая во все служебные помещения и стараясь задеть всех, кто встречался на его пути. Ему было скучно, мучительно и просто плохо. А хотелось порадоваться чему-нибудь. Хотя бы ощущению, что кому-то сейчас еще хуже. Правда, Костров никак не мог подобрать подходящей кандидатуры: он считал, что худшая доля, как всегда, выпала ему, несчастному.

Он постоянно думал о чем-нибудь холодном и мечтал о скорейшем наступлении зимы. Да не какой-нибудь, а с морозами посуровее. Правда, стоит заметить, что в зимний период Костров страдал от холода и не мог дождаться, когда наступит весна. Весну он ругал за слякоть, за тополиный пух, вызывающий у него аллергию, а также за цветение черемухи и день рождения жены, приходящийся на май месяц.

– Уехать, что ли... – мечтательно пробормотал Костров, окидывая грустным взглядом пустой зал. – На море... На Белое.

Постоянные посетители кафе, его, так сказать, завсегдатаи, которые не укатили в места более прохладные, спасаясь от жары, а кто и вовсе, сейчас предпочитали летнее кафе напротив, которое Костров презрительно называл забегаловкой. Но весь ассортимент этой забегаловки был продуман очень расчетливо: там подавали мороженое, ледяное пиво, холодные соки и минеральную воду. Ни о каких горячих блюдах, сами названия которых в этом сезоне вызывали у клиентов мучительный стон, и речи не велось. Закуски ограничивались разве что овощными и фруктовыми салатиками, а особым спросом пользовались орешки, чипсы и сухарики к пиву. Многие пиццерии находились на грани разорения, а точки, специализирующиеся на гамбургерах и горячих бутербродах, вообще на время адской жары прикрыли лавочку, поскольку их деятельность приносила одни лишь убытки.

Терпела убытки и «Венеция». Били они по карманам всего персонала, и в первую очередь по кошельку хозяйки, Галины Сергеевны Пивоваровой, но больше всего почему-то по этому поводу сокрушался именно Владимир Костров. Собственно, причина его досады как раз была понятна для тех, кто знал Кострова. А уж Галина Сергеевна имела удовольствие общаться с ним много лет.

Удовольствие, правда, было весьма сомнительным, ибо характер у Кострова отнюдь не сахар. К тому же он позволял себе язвительные замечания в адрес самой Галины, а еще любил устроить ей какой-нибудь малоприятный розыгрыш. Ему прощались такие штучки потому,

что когда-то в юности Владимир был сильно влюблен в молоденькую красавицу Галину и все-ррез собирался прожить с ней всю жизнь. Галина не пылала ответной страстью, но и не отвергала ухаживаний Кострова. И даже, кажется, была согласна принять его предложение руки и сердца, но... Тут в ее жизни появился Анатолий Пивоваров, очень перспективный и настойчивый молодой человек, от жгучих взглядов которого у Галины кружилась голова. Роман их развивался стремительно, и через полтора месяца после знакомства была сыграна свадьба, на которую Костров был приглашен в качестве свидетеля...

Владимир, разумеется, на свадьбу не пошел, с Галиной разругался в пух и прах и даже набил новоявленному жениху морду. Был грандиозный скандал, который все же удалось замять...

С тех пор прошли годы, страсти поутихли, сам Костров успел жениться и обзавестись сыновьями, у Галины с Анатолием подрастали две дочери... Она сумела помириться с Костровым и даже взяла на работу к себе в кафе, причем экспедитор частенько выполнял функции ее заместителя, за что получал солидную прибавку к жалованью. Однако обида в его душе, видимо, не утихла до конца, поэтому иронично-язвительный тон в разговоре с начальницей стал для него привычным. А Галина, которая все-таки чувствовала себя виноватой перед Костровым, прощала ему этот тон и возмущалась только когда Костров совсем уже перегибал палку. Тем более что на самом деле он относился к ней по-прежнему очень хорошо, и лишь гордыня мешала ему открыто это признавать.

А недовольство Кострова сейчас росло прямо пропорционально росту столбика термометра. Владимир Леонидович уже и рабочий костюм сменил на легкомысленные шорты и майку, и голову поливал холодной водой, и по пояс ополаскивался под краном, и даже поступал откровенно оппортунистически, тайком сгоняв несколько раз в столь презируемую им соседнюю «забегаловку» и разорившись там на целых три порции мороженого.

Владимир Леонидович никак не мог найти в данной ситуации виноватых, что обычно ему мастерски удавалось. Он уже сорвал свою злость по привычке на всех официантках, шеф-поваре и охранниках. Досталось даже случайно проходившей мимо кафе довольно пышной даме среднего возраста. Она умудрилась задеть своей сумкой Кострова, вышедшего из дверей кафе на улицу.

Наконец, полностью выведенный из себя Костров направился в кабинет своей начальницы срывать свое раздражение на Галине Сергеевне Пивоваровой. А она в данный момент сосредоточенно изучала меню, обдумывая, какие в него внести коррективы, дабы заманить хоть сколько-то клиентов. Костров, не стучась, протопал в кабинет и, плюхнувшись в кресло и мрачно отбарабанив пальцами по крышке стола похоронный марш, с вызовом произнес:

– Почитываете? Ну-ну...

– Тебе мамонт на ухо наступил, ты безобразно фальшивишь, – мельком взглянув на своего подчиненного и моментально уловив его настроение, усмехнулась Галина, продолжая изучать меню. Однако Костров купился на эту шутку и тут же принялся горячо возражать:

– Как же это, интересно, я могу фальшивить, если я всего лишь отстучал ритм?! Вы что, Галина Сергеевна, совсем уже?

Он не закончил фразы, увидев, что взгляд Галины, вперенный в меню, на глазах начал неприятно меняться. Вместе с этим и сам Костров поспешил сменить тон и продолжил:

– Я хотел сказать: тоже от жары страдаете? Да... Вот и я тоже страдаю. Еще кондиционер у нас сломался! Прямо хоть совсем ложись и помирай. А дома вообще туши свет!

– Купи себе домой кондиционер, – пожал плечами Галина.

Костров моментально занервничал.

– Вы хоть иногда думайте, что говорите, Галина Сергеевна! – все-таки наплевав на вежливость, заговорил он. – Купи! Как будто это так просто! На что, интересно, я его куплю?! У меня, знаете ли, нет своего кафе! А также мужа-бизнесмена! У меня жена, а вдобавок дети!

Вы вот знаете, что такое жена? Нет, не знаете! И вам в этом очень крупно повезло! К тому же кондиционеры, видите, какие – ломаются постоянно!

– Ничего страшного, сегодня придут, починят, – пожала плечами Галина.

Но Костров уже забыл, с чего он начал разговор и каким образом тот перешел на тему его семейной жизни, и это было ему не важно. Собственно, у него все разговоры заканчивались тремя основными жизнеопределяющими тезисами: денег нет, жена сживает со свету, а вся жизнь в целом – суета. Галина продолжала хранить меланхолическое молчание и, кажется, даже не слушала разошедшегося экспедитора. Она тоже, по правде говоря, была порядком утомлена жарой и старалась не тратить лишних усилий ни на что.

Костров же, выплеснув эмоции в адрес своих домочадцев, умолк на некоторое время. Окинув Галину многозначительным взглядом с головы до ног, он с некой торжественностью в голосе произнес:

– А ведь вы, Галина Сергеевна, скоро разоритесь!

– Не дождешься, – вяло отозвалась Пивоварова, уже не вчитываясь в меню, а приспособив его в качестве примитивного веера, которым она принялась обмахиваться.

– А я вам точно говорю! – вредный экспедитор не терял надежды испортить настроение кому-то еще, раз оно у него самого было плохим. – Вон, например, шашлычная «У Расифа»... Знаете, что с ней случилось? За-кры-лась! Почему? По причине полного банкротства! Никто не ест их шашлыки в такую жару! Да еще и тараканы завелись ко всему прочему. Вот наша СЭС там повеселилась-то... Так что... – Костров притворно вздохнул и развел руками. – Ищите работу, Галина Сергеевна!

– Коллег, конечно, жалко. Но сами виноваты: уж пара упаковок Комбата их бы не разорила... А что до меня и тебя, то хочу заметить, что вместе со мной разоришься и ты, – отозвалась Галина, увеличивая амплитуду размаха «веера». – А у меня, как ты верно заметил, есть муж-бизнесмен. Да и сделанные заранее вклады – залог обеспеченной старости. К тому же я ежегодно получаю дивиденды со своих акций. Так что побираться мне, я думаю, не придется. А вот ты, кстати, можешь и заняться поиском нового места работы, никто не запрещает.

– А я и занимаюсь! – с вызовом вздернул голову Костров, напомнив Галине в этот момент птицу, пытающуюся казаться важной, гордой и значительной. Типа хвастливого попугая Кеши из мультфильма далекого детства.

– Твои уловки становятся слишком предсказуемыми, – прикрыв глаза, холодно сказала Галина. – Ты с возрастом теряешь хватку. Раньше все-таки что-то более интересное придумывал, чтобы повысить собственную значимость в чьих-то глазах. А теперь просто грубое, неприкрытое набивание цены. Как вышедшая в тираж уличная женщина, честно тебе скажу.

Костров решил яростно возразить и даже уже подскочил на стуле, но в этот момент раздался звонок мобильного Галины, и та, устав от назойливого присутствия экспедитора, раздраженно, но твердо сделала ему жест покинуть кабинет. Продолжая что-то ворчать, Костров, однако, не удалился, а Галина обратилась в слух.

* * *

«Провались оно все!» – зло подумал Анатолий Пивоваров, выходя из здания городского управления ГИБДД.

Анатолий пребывал в ужаснейшем настроении. И надо сказать, это было совершенно оправданно. Всего два часа назад его угораздило пойти на обгон на пригородной трассе. Но он не учел, что владелец зеленой «девяносто девятой» тоже был любителем быстрой езды. Они столкнулись как раз в тот момент, когда Анатолий уже уверился, что благополучно сделал этого пижона, и ликовал в душе. Пивоваров даже не понял, как все это произошло. К счастью, столкновение не принесло особых травм водителям, но вот джипу «Тойота» требовался ремонт.

Инспекторы, исследовав обстоятельства аварии, пришли к выводу, что оба водителя виноваты поровну, и предоставили возможность им самим регулировать взаимные претензии. Пивоваров хорохорился, доказывая своему оппоненту, что именно тот виноват в аварии. Однако молодой человек никак не хотел этого признавать и стоял на своем. Более того, этот хам даже требовал от Пивоварова компенсации. Особое негодование Анатолия вызвали угрозы незнакомца подключить каких-то «солидных людей». Анатолий и сам мог это сделать, более того, он себя самого причислял к таковым. Тем не менее конфликт закончился, что называется, ничем, и после получасовой дискуссии Анатолий плюнул, правда, не решившись этого сделать в лицо обидчику, а удовлетворился плевок ему под ноги. Потом круто развернулся и произнес свою сакраментальную фразу сначала мысленно, а потом вслух. Закурив на ходу сигарету, он вынул мобильник и с кислым видом набрал номер кафе «Венеция», специализирующегося на блюдах итальянской кухни.

Там работала его жена Галина. Вернее, Галина владела этим кафе. Ей-то и собирался Анатолий сообщить печальную новость о временной утрате джипом дееспособности. Анатолий даже хотел попросить ее одолжить ему пока свою машину. Поскольку считал, что автомобиль ему нужнее, чем ей.

«В конце концов, кафе находится в десяти минутах ходьбы от дома, – думал Анатолий. – Ну, в пятнадцати. Пешком походит, ничего страшного».

Однако Галина была не в очень хорошем расположении духа. У нее с утра возникли проблемы в кафе – неожиданно-негаданно нагрянула налоговая инспекция, кафе пришлось закрыть, срочно поднять все документы, благо обязанности бухгалтера Галина исполняла сама и бояться ей в сущности было нечего, а все равно нервы, напряжение, время опять же... Не успели визитеры уйти, а Галина перевести дух и налить себе чашку крепкого кофе, как явился ее шофер-экспедитор Костров, который принялся жаловаться на жару и «доставать» начальницу всеми доступными ему способами. И тут раздался звонок мужа. Услышав о том, что случилось с его машиной, Галина нахмурилась. А выслушав просьбу одолжить Анатолию свой автомобиль, нахмурилась еще больше. Она дослушала Анатолия до конца со скептическим видом, после чего решительно заявила:

– Ну вот что, мой дорогой. Свою машину я тебе не дам, даже и не мечтай.

– Галочка, но это же неразумно! – возопил Пивоваров. – Я не могу без машины!

– Одолжи еще у кого-нибудь, – пожала плечами супруга.

– У кого же я одолжу? Всем нужна машина...

– Ну вот и мне тоже нужна, – отрезала Галина и, усмехнувшись, добавила: – Попробуй договориться с Костровым.

– Чтобы я сел на его драндулет? – возмутился Пивоваров. – Ну уж нет, спасибо, лучше пешком ходить!

– Вот и походи, – ответила Галина и нажала кнопку отключения связи.

– Насчет чего это там договариваться? – подозрительно спросил Владимир Костров. – И с кем?

– Да вот Анатолию Алексеевичу срочно машина нужна.

– А свою он что же, за долги отдал? – язвительно спросил Костров.

Костров с Пивоваровым терпеть не могли друг друга, и словесный, да и не только, поединок между ними продолжался с незапамятных времен. И теперь Костров не мог упустить возможность выяснить все подробности, чтобы при случае быть во всеоружии против Пивоварова. К тому же сыграло роль его природное любопытство.

– Разбил, – коротко ответила Галина.

– А я предупреждал, – ехидненько погрозил пальцем Костров, – я предупреждал! А вы меня не слушали! Вот вам алкоголизм!

– Мой муж не пьет, – холодно сказала Галина.

– С каких это пор? – продолжал язвить Костров.

– Он никогда не пил, и тебе это хорошо известно. И кстати, хочу тебе прямо заявить, что, если ты еще хоть раз попытаешься ему помешать вести трезвый образ жизни, я тебя просто вышвырну вон! – неожиданно разъярилась Галина, указывая Кострову на дверь.

Тот налил спелым помидорным соком, но перечить не стал и скрылся за дверью, что-то недовольно бурча себе под нос. Галина закурила, чтобы успокоить нервы, и тут телефон зазвонил снова.

– Да! – громче чем следовало проговорила она, уверенная в том, что это Пивоваров со своей однообразной и утомительной просьбой.

* * *

Признаться, жара меня порядком достала. Я возвращалась на своей «девятке» с пляжа и мечтала поскорее попасть в прохладное помещение. Конечно, самым естественным было поехать домой и, охладившись под душем, лечь на диван и включить кондиционер. Но я помнила, что дома у меня нет практически ничего съестного – не хватало еще стоять у плиты в такую жару! – а пообедать не мешало бы. Неожиданно мне в голову пришла хорошая, как мне тогда показалось идея: я находилась неподалеку от кафе «Венеция», которым заведовала моя хорошая знакомая, Галина Пивоварова. Эта энергичная женщина несколько лет назад стала моей клиенткой, вместе со своим мужем Анатолием, занимавшимся строительным бизнесом. То дело я успешно раскрыла, а Пивоваровы оказались очень милой парой, так что между нами возникли если не дружеские, то вполне приятельские отношения. Периодически мы ходили друг к другу в гости, периодически выбирались за город на шашлыки, но последний раз это было довольно давно. И я решила одним выстрелом убить двух зайцев: и пообщаться с Галиной, и вкусно пообедать, ибо кухня в «Венеции» всегда мне очень нравилась. И я, достав мобильник, набрала номер Пивоваровой.

Тон Галины, однако, заставил меня подумать, что моя идея оказалась не самой лучшей... Пивоварова была явно на взводе. Однако узнав меня, она тут же переменилась и весело защелкала в трубку:

– Ой, Танечка, прости, дорогая, сколько лет, сколько зим! Конечно, приезжай! Ты, пожалуй, единственный человек, которому я сегодня буду рада. А то меня уже утомило однообразное общество. Да, это я и тебя тоже имею в виду, – понизив голос, проговорила она куда-то в сторону и тут же радостно добавила: – Это я не тебе, Танюша. Так что приезжай как можно скорее!

В «Венеции» я была через три минуты. Галина, нисколько не изменившаяся с нашей последней встречи, ждала меня у входа. На ней был легкий костюм голубого цвета, очень гармонирующий с ее васильковыми глазами.

– Пойдем, у меня уже все готово, – схватила она меня за руку и потащила к себе в кабинет, где уже был накрыт стол.

– Совсем нет посетителей, Таня, – вздыхала Галина, накладывая мне салат. – Прямо не знаю, что и делать! И вообще... Муж достает, Костров достает – надоели мне все до смерти! Я вот думаю уехать куда-нибудь отдохнуть, пока здесь все не устанет. Поехали со мной? Ты сейчас сильно занята?

– В общем, нет, – пожала я плечами. – Только я как-то не планировала пока никуда ехать. Да и ты не поедешь, – улыбнулась я. – Я же знаю, что ты не бросишь свое кафе в столь плачевной ситуации. Хотя, думаю, она скоро выправится.

– Ну да, ну да... – вздыхала Пивоварова. – На кого же я кафе оставляю? Сама знаешь, муж мой совсем не по этой части.

В этот момент у Галины зазвонил мобильник.

– Господи, да что же это такое! Сумасшедший день! – в сердцах воскликнула она. – Танюш, ты подожди минутку, ладно? Я быстро!

Галина выскользнула из кабинета и вернулась минуты через две. Взгляд ее был сосредоточенным и задумчивым.

– Что случилось? – из вежливости полюбопытствовала я.

– Ой, даже и не знаю, к счастью это или нет... – осторожно начала Галина, косясь на меня. – Надо же, такое совпадение! Понимаешь, Таня, тут одна история случилась очень неприятная. Только не у меня, а у подруги моей. Она мне только что сказала, что ей нужен частный детектив. И ты как раз у меня! Я бы, может, и не стала к тебе обращаться, но история больно уж печальная. И касается ее дочери.

– А что с ней случилось? – поинтересовалась я.

– Даже язык не поворачивается сказать, – Галина понизила голос. – Одним словом, изнасиловали ее и избили. Инвалидом сделали, она теперь парализованная...

– Ничего себе, – невольно покачала головой я. – И что же ты от меня хочешь?

– Да это не я, это Маргарита хочет. Чтобы выродков тех нашли.

– А она знает их? Приметы помнит? – уточнила я, имея в виду пострадавшую.

– Да она парализована полностью. Даже говорить не может. С ней Маргарита как с дитем малым нянчится, сиделку пришлось нанять, она же ее одну не оставит на целый день. И работу не бросить – на что они тогда жить-то с Ангелиной будут?

– А сколько девочке лет?

– Восемнадцать только исполнилось. В медицинском училище она учится. Вернее, училась, – вздохнула Галина.

– А когда с ней случилось это несчастье?

– Полтора месяца назад.

– А почему же Маргарита только теперь обращается к частному детективу?

– Это она хочет сама тебе рассказать, – проговорила Галина. – Ты уж прости, я ей про тебя рассказала, – виноватым голосом добавила она. – А ты ведь не занята сейчас... Деньги у нее есть, не переживай – она свой магазин держит, средствами для похудения торгует. Тебе не надо, кстати?

Галина тут же поняла свою оплошность с последней фразой и попыталась ее загладить:

– Ой, прости, прости, сама не знаю, что говорю. Это все муж с Костровым, они меня с ума сведут! Ты превосходно выглядишь – собственно, как всегда!

– Ну что ж, – задумчиво произнесла я. – В принципе, я действительно сейчас не занята, только что очередное дело закончила. Так что могла бы все разузнать. Пускай приезжает сейчас прямо сюда, и мы обо всем поговорим подробно.

– Ох, – Галина тяжело вздохнула, – Танюш... Может, сделаешь исключение и приедешь сама, а? Не может она дочку оставить. Тем более что это недалеко.

– Где это – недалеко?

– Это район Московской площади, дом очень легко найти, он там один такой, сталинка, вся в балкончиках и колоннах, – быстро заговорила Галина, боясь, что я передумаю. – А я уже Маргарите сказала про тебя, она нас ждет... Танечка, ты уж извини, пожалуйста. Слушай, я тебе обещаю бесплатный обед в «Венеции» каждый день, пока ты занимаешься этим делом! Серьезно!

– Вообще-то я не голодаю, – усмехнулась я.

– Да я совсем не в этом смысле! Но разве тебе охота в такую жару что-то готовить самой? А питаться этими дрянными полуфабрикатами, которые ты обожаешь, – это издевательство над желудком! Ты так язву себе заработаешь! Так что соглашайся!

– Ты же и так на грани разорения, – улынулась я.

– Да ладно! Прорвемся! – беззаботно махнула рукой Галина. – Не станем уподобляться Кострову в его пессимизме! Ну что, согласна? – подмигнула она мне.

– Хорошо, хорошо, – поморщившись, прервала я поток речей бывшей клиентки. – Поехали.

Галина радостно засобиравшись, уточнив, что женщину зовут Маргарита Николаевна Синицына, и я, вздохнув, поднялась с места. Слава богу, утолить голод я все-таки успела. Что ж, ради парализованной девушки и ее несчастной матери можно и проехаться, хотя вообще-то я предпочитаю принимать клиентов у себя дома. Но всегда есть исключения из правил...

* * *

Маргарита Николаевна Синицына оказалась женщиной лет тридцати восьми.

Выглядела она еще в недавнем прошлом, судя по всему, очень хорошо. Но печальное событие, случившееся с дочерью, не могло не оставить своего следа. Вокруг глаз явственно проступили морщинки, хотя и тщательно замаскированные корректором, на лбу пролегла глубокая складка, и во всем облике чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, не покидающее ее ни на минуту. Видно также было, что она очень устала, настолько устала, что если расслабится, то рассыплется, как старый гербарий, если до него дотронуться. Помимо этой усталости и напряженности, сковывавшей движения, в ее лице можно было едва уловимо разглядеть что-то неприятное. Интуитивно я определила это как некое непреодолимое упрямство, причину которого пока понять не могла.

Маргарита Николаевна была в костюме светло-розового цвета, который прекрасно подходил к ее светлым волосам, как будто неумело и наспех собранным на затылке в небольшой узел. Несмотря на то что женщина, видимо, отличалась хорошим вкусом, в данный момент ей было явно не до собственной внешности.

– Здравствуйте, – как-то поспешно протянула она мне руку для приветствия. – Проходите, пожалуйста...

И тут же умчалась на кухню, крикнув по дороге Галине:

– Галя, проводи человека, пожалуйста.

Галина засмеялась. Вся она была шумная, моложавая, ухоженная. Стильная стрижка, мелирование, модный костюм, яркий, почти молодежный маникюр, веселый взгляд голубых глаз... По иронии судьбы Галина резко контрастировала со своей подругой. Как будто Маргарита олицетворяла собой пессимизм, уныние и безнадежность, а Галина, наоборот, брызгала во все стороны энергией и позитивом, словно демонстрировала лозунг «Жизнь прекрасна и удивительна!».

Стол уже был накрыт, и я, оглядев его, даже почувствовала неловкость, поскольку выставленные блюда явно потребовали от хозяйки покрутиться на кухне.

– Прошу вас, садитесь, – с улыбкой проговорила Маргарита Николаевна, к этому моменту вернувшаяся из кухни с бутылкой дорогого коньяка в руке.

– Зачем же вы... – только и сказала я, кивнув в сторону стола. – Я бы все равно приехала.

– Ничего, ничего, – как-то нервно и суетливо говорила Маргарита Николаевна, теребя в руках салфетку. – Вы угощайтесь.

Ничего не оставалось делать, как сесть за стол. Маргарита Николаевна пыталась придать своему лицу преувеличенно бодрое выражение, что плохо ей удавалось. Она стала разливать коньяк, попутно рассказывая о том, где и как ей удалось достать этот прекрасный напиток.

– Маргарита Николаевна, – перебила ее я. – Вы бы рассказали мне подробнее о своей проблеме... А то мы сейчас напьемся и обо всем забудем, – пошутила, чтобы подбодрить новую знакомую.

Та, ответив нервным смешком, постаралась взять себя в руки, посерьезнела и сказала:

– Я просто не знаю, с чего начать...

– Давайте начнем с того, как произошла эта... трагедия. Что ей предшествовало, как все случилось, как вы узнали о происшедшем, что было потом...

– Я поняла, – кивнула Маргарита Николаевна. – Да, я постараюсь рассказать как можно подробнее. Итак, это произошло в мае, двадцать восьмого числа. Геля, как обычно, пошла на дискотеку в клуб «Пегас». Это заведение работает до двенадцати часов ночи, поэтому я стала ждать дочку примерно с половины первого.

– А она часто посещала дискотеки? – встала я.

– Да, почти каждый день, но я не видела в этом ничего опасного. Она всегда ходила с подругами, к тому же Геля человек довольно самостоятельный, и я безбоязненно отпускала ее. Иногда, когда она гуляла допоздна, она даже шла ночевать к подругам. Это не значит, что я за нее не беспокоилась, просто, вы ведь понимаете, запретами ничего не добьешься, а я всегда ей доверяла. Вот и в тот раз, я, не дождавшись ее в обычное время, решила не выходить на улицу и не встречать: у нее тогда был молодой человек, и Геля вполне могла стоять с ним на первом этаже в нашем подъезде, а я считала бестактным им мешать, кроме того, она могла отправиться к подруге и еще не добралась и не успела позвонить.

Маргарита Николаевна вздохнула и налила себе еще коньяку. Выпив, она перевела дух и продолжила:

– Серьезно переживать я начала, когда на часах было около трех. А после того как в половине пятого утра услышала звук сирены, который бывает только на милицейских машинах и неотложке, я поняла, что с Гелей что-то случилось. Страшное...

– Простите, а вы не пытались узнать что-либо от ее подруг? – спросила я.

– Конечно, пыталась! Я даже спустилась посреди ночи на первый этаж. Но в подъезде никого не было, и я выглянула на улицу, посмотреть, не сидят ли они на лавочке – ночи стали уже теплые... Но было пусто. Тогда я стала звонить девочкам, с которыми они обычно вместе ходили на дискотеки. Обе сказали, что Геля пошла домой одна, сразу после закрытия клуба. И с Сашей – так зовут ее молодого человека – в тот вечер она не встречалась и не собиралась встретиться. Вот, собственно, и все. Дальше я уже не знала, что делать, и стала просто ждать. А когда услышала сирену, сразу кинулась одеваться. Но пока я натянула на себя что-то из одежды и выскочила на угол, Гелю уже погрузили в санитарную машину, так что в каком состоянии была тогда моя дочь, я не видела. Нужно сказать, что в тот момент меня словно парализовало, и я тупо смотрела на происходящее, даже не пытаясь выяснить, в какую больницу ее повезли. Не отреагировала я поначалу и на вопрос одного из оперативников насчет того, кто обнаружил мою дочь.

– А вам известно, кто ее обнаружил? – снова задала вопрос я.

Маргарита Николаевна кивнула, погруженная в свои мысли, помолчала, а потом медленно заговорила:

– Хотя как-то соображать я стала, когда увидела мужчину, вызвавшего милицию. Кто бы мог подумать, что именно этот человек спасет мою дочь, лежащую без сознания в луже из собственной крови на тротуаре!.. В общем, нам повезло, что у этого человека в то раннее утро было похмелье, и он направлялся в круглосуточный магазин «В десятку», расположенный на проспекте, и путь его лежал как раз через наш двор...

Почему-то после этих слов женщина всхлипнула, слезы рекой полились по ее невероятно быстро увядающему лицу, и мне пришлось успокаивать Маргариту Николаевну и даже налить ей еще коньяку, прежде чем она продолжила свой рассказ.

– ...Экспертиза показала, что мою дочь изнасиловали, жестоко избили, так что оказалась повреждена центральная нервная система, и ее парализовало. Естественно, что после пережитого она долгое время вообще не могла давать показания, а после того как частично была восстановлена двигательная функция верхних конечностей и она начала потихоньку пытаться

давать их письменно, прошло уже слишком много времени, и Геля мало что могла вспомнить о том, что с ней случилось, а возможно, что и просто не хотела вспоминать или боялась. В результате это дело, как мне потом объяснили, «спустили на тормозах», то есть оно потихоньку само заглохло. Я с самого начала не очень верила в раскрытие этого преступления... Хотела бросить работу... – Хозяйка дома снова вздохнула. – Ведь за Гелей ухаживать нужно. Но и это не выход: нам с ней надо на что-то жить. Отец Гели давно живет отдельно и практически не помогает. А с тех пор как с ней случилась эта беда, он вообще не появляется. Пришлось нанять сиделку, иначе я бы не справилась. Но вы не волнуйтесь, я в курсе ваших расценок и обязательно заплачу.

Маргарита Николаевна торопливо поднялась со стула.

– Подождите, с этим успеется, – остановила я ее. – Вы скажите мне лучше, не сообщила ли ваша дочь какие-то факты, приметы того или тех, кто это с ней сделал?

– В том-то все и дело, что нет, абсолютно ничего, – покачала головой Маргарита Николаевна. – А милиция проверяла всех, кто был в тот вечер в этом клубе, опрашивала подруг, но так ничего и не выяснила. Словом, до вчерашнего вечера не было ни одной зацепки, с помощью которой можно было бы выйти на преступников.

– Почему до вчерашнего вечера? – тут же насторожилась я. – Что произошло вчера вечером?

– Вчера мы как обычно гуляли в сквере и уже направлялись домой, собирались улицу переходить, и тут мимо нас промчалась иномарка ярко-красного цвета с тонированными стеклами. Номер я, конечно, не успела заметить, – сразу же оговорила Маргарита Николаевна.

– Но... Какая связь между этой машиной и тем, что случилось с вашей дочерью? – удивилась я.

– Дело в том, что, когда эту машину увидела Геля, она страшно испугалась. Я поняла это сразу же по ее лицу, да и не только по лицу. Она замычала, словно хотела что-то сказать, пыталась поднять руки... Я сама перепугалась страшно! Я видела, что ей не просто страшно – она была в ужасе. Добиться от нее какого-нибудь ответа оказалось совершенно невозможным, что еще больше утвердило мою мысль, что этот автомобиль напрямую связан со всем тем, что произошло с моей дочерью.

– Ну что же, я благодарю вас за доверие, которое вы мне оказали, рассказав о вашей трагедии. Могу ли я в этом деле рассчитывать на такое же доверие, когда приступлю непосредственно к действиям?

– Да, абсолютно, я наслышана о ваших способностях. Галочка мне много о вас рассказала – и как о человеке, и как о сыщике. Так что у меня нет причин вам не доверять. К тому же, как я уже говорила, на милицию я не рассчитываю...

«И когда только Галочка успела выложить обо мне столько информации!» – с улыбкой подумала я про себя, а вслух сказала:

– Понятно. А теперь расскажите мне, пожалуйста, поподробнее об этой машине, какой она марки, может быть, какие-то особые приметы...

– Вы знаете, боюсь вас огорчить, но все дело в том, что я абсолютно ничего не понимаю в марках машин и в этом помочь вам не могу. Но я заметила, что правое крыло у нее было помято. Этого очень мало, чтобы вы ее нашли? – спросила Маргарита Николаевна.

Хотя и не хотелось мне в этот момент ее расстраивать, но пришлось признать, что этого действительно очень мало: в Тарасове может быть несколько сотен заграничных «птиц» красного цвета с подбитыми крыльями. Но тут у меня возникла мысль, что есть шанс попробовать выяснить марку с помощью автомобильного каталога. Вдруг Маргарита Николаевна сможет узнать ту машину по картинке? К тому же у меня в машине в данный момент находилось несколько автомобильных каталогов.

– Я думаю, что у меня получится, – ответила на мое предложение приободренная Маргарита Николаевна и даже сделала жест, который должен был означать, что она поправила прическу.

Я сходила во двор, где оставила свою машину, и принесла каталоги. Первый Маргарита Николаевна листала долго, наморщив лоб и беззвучно шевеля губами, потом, подумав, решительно отложила его в сторону и взялась за следующий. Где-то примерно на двадцатой странице хозяйка квартиры остановилась, долго и внимательно разглядывая «Ланчию» ярко-красного цвета, и затем выдохнула:

– Это она.

– Вы уверены, Маргарита Николаевна, дело не в цвете? – обеспокоенно уточнила я.

– Нет, не в цвете, это она, – гораздо убедительнее и даже настойчиво повторила клиентка.

– Ну что ж, Маргарита Николаевна, уже в этом нам крупно повезло, и надеюсь, что так же будет и дальше.

– Это точно! – кивнула Галина. – «Ланчий»-то у нас в городе раз-два и обчелся. Прямо скажем, не популярная модель. Вообще итальянские авто непопулярны. К ним и запчастей-то не найдешь, если что. Правда, мне Пивоваров говорил, что открылся один такой, где-то в Елшанке... Это когда он сам еще собирался «Ланчию» покупать. Но тут уж я на дыбы встала! Слава богу, купил «Тойоту». Правда, и ту умудрился разбить сегодня!

– Итак, – продолжила я. – Я завтра же с утра приступлю к работе, а к вам у меня будет еще одна просьба: сообщить координаты и имя того человека, который нашел вашу дочь. Надеюсь, они вам известны? – деловито осведомилась я.

– Да, конечно, пожалуйста: Князевская, дом двадцать девять. Зовут его Шумилкин Виталий Георгиевич, – с готовностью проговорила Маргарита Николаевна.

– Теперь еще один вопрос. Что это за молодой человек, с которым встречалась Геля до... этой трагедии? Как его зовут, где учится, где живет? Чем занимается? Как он себя вел после всего этого, когда вы его в последний раз видели? – забросала я вопросами Маргариту Николаевну.

– Сейчас, сейчас, – закивала та. – Значит, зовут его Саша Злотников, он в политехническом учится, на год старше Гели. Он к нам несколько раз приходил, вроде бы воспитанный мальчик, вежливый, не нахальный. Геля говорила, что родители у него хорошие, преподаватели в институте. Но, по-моему, ничего серьезного между ними не было. Во всяком случае, не было такого, чтобы Геля из-за него ночей не спала или стихи сочиняла. Я считала, пусть встречаются – возраст такой, куда денешься! А потом разберется, если не подходит, другого себе найдет. Лишь бы детей не было. Но с этим никаких проблем не возникало.

– А вы знаете о том, что ваша дочь жила половой жизнью? – осторожно спросила я.

– Я напрямую у нее об этом не спрашивала, но как-то раз увидела у нее в сумке упаковку презервативов, – понизила голос Маргарита Николаевна. – Вечером задала ей вопрос, но она очень спокойно ответила, что уже взрослая и что я должна только радоваться, что она умеет предохраняться. Знаете, ее уверенный тон меня убедил. Я тогда подумала о ней не как о собственной дочери, а просто как о взрослой девушке. Что же, ей восемнадцать лет, сейчас время такое, что это в порядке вещей. А раз предохраняется, значит, думает о себе, соображает, что делает. Запрещать же не станешь, все равно бесполезно!

– Возможно, вы и правы, – задумчиво проговорила я, размышляя, стала ли бы сама вот так полностью полагаться на разум не совсем еще взрослой дочери, снимая с себя всю ответственность. Разумно ли предоставлять девчонкам в этом возрасте настолько полную свободу? Но мне сложно судить, у меня нет детей. – Давайте вернемся к Саше, – стряхнув с себя эти мысли, сказала я.

– Ну вот, живет он где-то в районе Третьей больницы, точный адрес я не знаю, никогда там не была. И с родителями его никогда не встречалась. А видела я его дня через три после

того, как все это случилось. Саша пришел к нам, спросил Гелю, я сказала, что она в больнице. Рассказала все, что с ней произошло. Он удивился, спросил адрес больницы... На следующий день навестил ее и... больше не приходил, – глядя в окно, проговорила Маргарита Николаевна.

Я понимающе покачала головой и сказала:

– Ну что ж, на данный момент я, кажется, узнала все, что меня интересовало. Единственная просьба – нельзя ли мне взглянуть на Гелю? Я ни о чем не стану ее спрашивать, – поспешила добавить.

– Ну хорошо, – не очень охотно выдохнула Маргарита Николаевна. – Пойдемте. – Она взяла себя в руки и двинулась к двери в соседнюю комнату. Я пошла за ней, Галина осталась сидеть на стуле.

В комнате на широком диване полулежала девушка с бледным и ничего не выражающим лицом. Хотя оно было, наверное, очень милым до болезни. Я посмотрела на ее склоненную набок голову и увидела, что сейчас красивыми в ее облике можно было назвать лишь волосы, светло-пепельные, точь-в-точь как у матери, только они были заплетены в две тугих косы.

Девушка подняла на меня свои грустные глаза и как-то испуганно, так показалось мне, посмотрела. Я тут же отметила про себя невероятное внешнее сходство дочери с матерью, с разницей лишь в возрасте и комплекции.

Девушка перевела вопросительный взгляд на мать и чуть приоткрыла рот, словно пытаясь что-то сказать. Маргарита Николаевна бросилась ее успокаивать:

– Ничего-ничего, Гелечка, не волнуйся, это моя приятельница, пришла тебя проведать. Тебе что-нибудь принести?

Девушка едва заметно покачала головой.

– Ну, отдыхай, отдыхай, милая, – поправила мать одеяло на кровати. – Мы не будем больше тебя утомлять.

Мы вышли из комнаты. Лицо у Маргариты Николаевны было каменным.

– А может, и не надо тебе этого расследования, а, Рита? – неожиданно сказала Галина. – Только нервничать будешь больше...

Маргарита Николаевна медленно подняла на нее взгляд и покачала головой.

– Нет, – произнесла она твердо. – От этого я не откажусь.

Я посмотрела на часы и сказала:

– Последняя просьба, Маргарита Николаевна. Мне нужна фотография Гели, не могли бы вы мне ее дать?

– Да, конечно, – тут же сказала мать Гели. – Я сейчас вам принесу.

Через минуту она снова появилась в комнате, держа в руках цветную фотографию улыбающейся Гели, с красивой прической, в выходном платье. Девушка с макияжем здесь выглядела совсем не такой, как сейчас, в действительности. Она казалась старше и увереннее.

– Это год назад Геля фотографировалась после поступления в училище, – пояснила ее мать. – И еще вот... – Она протянула мне белый конверт. – Это задаток, а остальное, когда скажете.

– Что ж, большое спасибо за угощение, Маргарита Николаевна, приятно было познакомиться, но мне пора. Как и обещала, завтра же я займусь этим делом. А возможно, что даже и сегодня, – задумчиво добавила я, глядя на фотографию.

После этого мы с Галиной Пивоваровой наконец-то покинули квартиру Синицыных.

– Ну и какое впечатление она на тебя произвела? – спросила хозяйка кафе.

– Милая женщина, – коротко ответила я, хотя прекрасно понимала, что Галина имеет в виду Гелю.

О девочке мне сейчас говорить не хотелось. Я поймала себя на мысли, что постоянно вспоминаю какой-то словно просящий взгляд Гели. И, не выдержав, я все-таки спросила Галину:

– Неужели она останется такой навсегда?

– Врачи говорят, что надежда есть, – со вздохом проговорила та. – Восстановилась же у нее частично двигательная функция! Нужно ждать, а сколько – неизвестно.

ГЛАВА 2

Следующее утро я решила начать с посещения господина Шумилкина. У меня возникла мысль, что, может быть, Виталий Георгиевич не только обнаружил тело Гели, но и, чем черт не шутит, являлся свидетелем произошедшей трагедии. И лишь в силу каких-то причин, из-за боязни скорее всего, не сообщил об этом милиции. Это было, конечно же, только мое предположение, но и эту версию следовало проверить.

Попутно я начала работу и в другом направлении – с вечера уже позвонила своему давнему другу, подполковнику Андрею Александровичу Мельникову, и попросила его выяснить все, что только возможно, о владельцах красных «Ланчий» с тонированными стеклами. Мельников скептически хмыкнул, выслушав меня, но помочь согласился, правда, без особого энтузиазма. Я и сама понимала, что по таким приметам вычислить нужный автомобиль крайне сложно, тем не менее не хотела упускать ни одной возможности.

Предварительно я решила посоветоваться со своими гадалыми костями – двенадцатигранниками, хранящимися у меня в замшевом коричневом мешочке, без помощи которых не обходится ни одно мое расследование. Я потрянула их и высыпала на стол. Так как толкования всех комбинаций я давно знала наизусть, расшифровать выпавшую не составило труда.

8+18+27 – Существует опасность обмануться в своих ожиданиях.

Ох-оох... Сколько раз мне уже приходилось обманываться в ожиданиях... Ничего не поделаешь: работа такая, непредсказуемая. Правда, непонятно, в чем мне обманываться, ибо пока что я ничего не ожидаю: расследование только началось, и может произойти все что угодно. Неужели в нашем городе сильно расплодилось красные «Ланчии»? Или окажется, что это вообще не «Ланчия»? Тогда пусть уж лучше это выяснится поскорее... Решительно собрав гадалые кости обратно в мешочек, я спустилась вниз и села в свою машину.

Шумилкин проживал в довольно приличном собственном доме, выстроенном, видимо, не так давно: симпатичный такой кирпичный коттеджик с мансардой и балкончиком, небольшой и явно уступающий по уровню особнякам, коих немало появилось в последние годы в тихих окраинных районах нашего города, где воздух свежий и мало суеты. И располагался дом Шумилкина в месте, которое хоть и было центральным, но не являлось престижным: рядом находился овощной рынок, что не добавляло близлежащим дворам тишины и чистоты.

А вот дворик Шумилкина находился в запустении, зарос сорняками. Кое-где за невысоким заборчиком виднелись цветы, но так как за ними, видимо, никто не ухаживал, выглядели они вяло. Столь же тусклыми и безжизненными казались вишневые деревья, вокруг которых уже буйно раскинулись американские клены, которые, как известно, появляются как грибы, где угодно и очень стремительно, вытесняя собой всю остальную растительность. Замок на воротах отсутствовал, металлические крепления были просто замотаны цепью, раскрутить которую мне не составило труда. Окна были плотно занавешены шторами. Над входной дверью я увидела кнопку звонка и несколько раз нажала на нее.

Не открывали довольно долго, так что я уже подумала, что приехала напрасно. На всякий случай я постучала еще и в запыленное окно и тут услышала позади себя женский голос:

– Вы к кому это?

– Я к Шумилкину Виталию Георгиевичу, – поворачиваясь, ответила я и увидела женщину лет пятидесяти, хорошо одетую, с белой сумочкой в руках. Она вышла из соседнего дома – двухэтажного, с высоким крыльцом – и смотрела на меня подозрительно.

После моего ответа взгляд женщины стал совсем неприветливым. Причем тут же к ней присоединилась еще одна дама, примерно того же возраста. Они переглянулись, и вторая уточнила:

– А вы по какому делу?

– По профессиональному, – улыбнулась я, и лица обеих женщин и вовсе вытянулись.

– Ну вот что, девушка, – сухо и неприязненно проговорила первая женщина. – Вы бы шли отсюда поскорее, а то мы милицию вызовем! И перестаньте сюда шлаться, у нас приличный двор!

– Да вы что? – удивилась я. – Что это вы на меня так ополчились?

– А то, что забудьте сюда дорогу! – не меняла тона женщина. – У нас у всех дети, и вообще... Притон закрыт!

– Какой притон? – Смутная догадка мелькнула в моей голове. – Простите, вы меня, видимо, приняли за кого-то другого. Понимаете, я частный детектив, расследую дело об избииении одной девушки, а Виталий Георгиевич проходит по этому делу свидетелем – он ее обнаружил на улице. Вот мои документы, – я достала удостоверение частного детектива и на всякий случай пропуск из прокуратуры, безбожно просроченный, ибо оттуда я уволилась много лет назад, но сейчас это было не важно. Мне нужно было убедить обеих женщин в своей благопристойности.

Женщины посмотрели на мои документы, потом снова окинули меня оценивающим взглядом, затем та, что подошла первой, протянула:

– А-а, вот что... Ну, тогда извините. Насмотрелись мы тут на разных... А вы еще сказали так – по профессиональному делу, вот мы и подумали, что вы тоже из этих... Кого Тамара тут прикармливала.

– Что делала? – уточнила я.

– Да публичный дом устраивала! – в сердцах поведала женщина, которая подошла второй. – Сдавала комнаты мужикам, которым девок некуда вести. Объявления встречали? «Сдаю квартиру – посуточно, почасно». Ну, а для чего квартиру почасно снимать, понятно, наверное? Вот наша Тамара этим и зарабатывала, пока не выгнал он ее, когда мы все жалобу написали.

– Вон оно что, – задумчиво ответила я. – А где теперь живет эта Тамара, вы не знаете?

– Откуда? – вздохнула первая женщина. – Ушла она отсюда, и слава богу, мы только обрадовались. А где она сейчас, нам неинтересно. Не дай бог еще вернется. Насмотрелись уж, хватит! Девчонки все размалеванные, страшные, пьяные вечно. А некоторые ведь молоденькие совсем...

– Куда только родители смотрят? – поддержала ее вторая.

– Извините, – в моей голове вдруг искрой вспыхнула невероятная мысль. – А вы никогда не видели здесь вот эту девочку?

Я достала из сумочки фотографию Гели и протянула женщинам.

– Ой, я не знаю! – сразу отмахнулась первая. – По мне они все на одно лицо!

– Вроде бы как... Лицо знакомое, – неуверенно сказала вторая, всматриваясь в черты Гели. – Но здесь она совсем уж молоденькая.

– Эта фотография сделана год назад, – пояснила я.

– Не знаю, не знаю, – озабоченно качала головой женщина. – Похожа вроде, да я не уверена...

– Да что тут думать-то! – не выдержала первая. – Вызвать нужно Шумилкина вместе с Тамарой в милицию или, еще лучше, в прокуратуру! Там они все и расскажут. Что вы с ними перемонитесь?

– Так сами видите, нет его дома, – показала я на дверь дома Шумилкина.

– К вечеру точно придет, – твердо сказала первая соседка. – Ночевать-то ему куда идти? Только домой. Вот и берите его тепленького.

– Скажите, пожалуйста, а что, Шумилкин какой-то... социально неустойчивый элемент? – с трудом подобрала я формулировку. – Дом у него вроде бы вполне приличный, запущенный, правда. Что он вообще за человек?

– Да человек-то он, может быть, и неплохой, – со вздохом стала рассказывать первая женщина. – Мы вообще-то его давно знаем. Он купил здесь несколько лет назад дом, прежний, что стоял на этом месте. Старенький был домик, так Виталий его заново построил. Не сам, конечно, но деньги у него были. И машина была хорошая, Тамара водила. Мы почти одновременно строительство начали, у меня муж тогда в гору пошел – он страховой компанией заведует. А Шумилкин тоже хорошую должность занимал, да и Тамара гораздо лучше выглядела. Она в фонде имущества работала, а потом... пить начала, – голос женщины стал совсем низким. – И все больше и больше. Да и Виталий с ней втянулся. Мужчины – они же слабые! Короче, с работы их выгнали одного за другим, дела плохи стали... Сначала машину продали, затем вот комнаты сдавать стали. А когда у нас терпение лопнуло и мы подключили милицию, они с Тамарой и разбежались. У нее где-то квартирка оставалась – она раньше и ее сдавала, но только вроде бы не под притон, а нормальным людям. Ну, вот она туда и вернулась. А Виталий здесь остался. Живет один, попивает... Ох, боюсь, он плохо кончит, – со вздохом закончила женщина свой рассказ.

– Значит, где искать Тамару, вы не знаете? – спросила я.

– Нет. Да вы, наверное, и сами ее найдете по своим каналам. Фамилия ее Горелова, они с Виталием не зарегистрированы были.

– Что ж, спасибо, – кивнула я и пошла со двора.

Сев в машину и выехав на проезжую часть, я задумалась. Признаться, мысль о том, что Геля, возможно, бывала в борделе, устроенном сожительницей Шумилкина, меня ошеломила. Этот факт никак не вязался со сложившимся у меня образом девочки, особенно с ее внешностью. Не могла я представить себе Гелю в качестве проститутки. Семнадцатилетняя девочка – дешевая проститутка в этом доме! Девочка из вроде бы благополучной, пусть и неполной семьи. Что заставляет их выбирать такой путь? Маргарита Николаевна считала свою дочь серьезной и самостоятельной. И разве мать могла подумать о том, чем занимается дочка? И эта упаковка презервативов... Она теперь может свидетельствовать совсем не о том, о чем думала мать Гели. Вот она, опасность обмануться в своих ожиданиях!

Я потянулась к бардачку, где у меня раньше обычно хранилась пачка сигарет, но тут же вспомнила, что я уже давненько бросила курить.

«Подожди, подожди, – начала я убеждать себя. – Еще ничего не известно. Не доказано ведь, что Геля здесь была. А если даже и бывала тут она, то неизвестно, зачем сюда приходила. Может быть, совсем по другому поводу. Да, но по какому?»

Ответы на эти вопросы могли дать только Шумилкин и его супруга, но они пока что находились вне пределов досягаемости, и мне оставалось в этом смысле лишь ждать встречи с ними и информации от Мельникова. А я очень надеялась, что она будет результативной. И я поехала домой.

* * *

Владимир Костров вошел в кабинет своей начальницы со стаканом ледяного сока в руках. Взгляд его был недовольным.

– Ты чего прохлаждаешься? – усмехнулась Галина Сергеевна.

– Я работаю, – отрезал Костров.

– Правда? – округлила глаза Галина. – С каких это пор твоя работа заключается в том, чтобы шататься по кафе и пить казенный сок?

– За сок я заплатил из своего кармана! – горячо произнес Костров. – А у нас, между прочим, кондиционер так и не починили! И вы еще надеетесь привлечь клиентов?

– Стоп, а почему не починили? – захлопотала Галина. – Должны же были с утра!

– Не знаю! Это не входит в мои обязанности! Вы вот ездили где-то все утро, а что в кафе творится, не проконтролировали! И кто из нас прохлаждается? Кстати, супруг ваш тоже, кажется, не обременен профессиональными заботами, – вернул экспедитор.

– Что? Супруг? Он что, заезжал? – забросала вопросами Кострова Галина.

– А как же-с! Заезжал-с! – язвительно проговорил Владимир. – Откушал спагетти с шампиньонами, рыбкой закусил... И убыл.

– Постой, ты говоришь заезжал – он что, был на машине? – обрадовалась Галина, что муж починил свой джип.

– Да, только не на своей, – вздохнул Костров. – Свою он, помнится, разбил. Правда, и эта его машина уже... не в лучшем виде. Крыло у нее помято! Я вот удивляюсь, кто таким людям машины одалживает? – хмыкнул экспедитор.

– Помято крыло? – захлопала ресницами Галина. – А что за машина-то?

– «Ланчия», – снисходительно произнес Костров. – Откуда только он ее откопал?

– «Ланчия»? – растерянно переспросила Галина и упавшим голосом добавила: – Красная?

– Точно так-с, – Костров явно был доволен, что привел свою начальницу в замешательство, хотя причины этого замешательства не понимал.

Тем не менее он отпил из стакана сока и с победным видом удалился из кабинета. Галина же, посидев в оцепенении пару минут, потянулась к мобильнику...

* * *

Не успела я приехать домой, как услышала звонок домашнего телефона. Я вздохнула, сняла трубку и услышала голос подполковника Мельникова.

– Привет коллегам! Что ж, могу тебе сообщить, что я выполнил твою просьбу. Могу прямо сейчас продиктовать данные всех владельцев красных «Ланчий», зарегистрированных в нашем городе. Вот только что ты с ними делать будешь? Разве что солить... Их тут одиннадцать человек набралось.

– Давай всех! – коротко потребовала я, поскольку у меня пока не было другого пути, кроме как проверки всех обладателей красных «Ланчий».

Я записала все данные, продиктованные Мельниковым, уже формулируя при этом в голове следующий вопрос. Закончив запись, я сказала:

– Я тебе очень благодарна, но ты прав – что с ними делать? На проверку всех уйдет очень много времени... Поэтому наберусь наглости обратиться к тебе еще с одной просьбой. Нельзя ли выяснить, какие из этих машин в последнее время попадали в аварии? Меня интересует помятое крыло. Наверное, стоит начать с владельца именно битой машины.

– А ты знаешь, я предвидел этот твой вопрос, – лукаво произнес Андрей Александрович. – Понимая, как сложно тебе будет проверять всех. И заранее подготовил ответ.

– Неужели? – потрясенная и обрадованная воскликнула я. – Так говори же!

– Итак, за последний месяц две из красных «Ланчий» попадали в ДТП. Одна «поцеловалась» с «тройкой» цвета беж с местными номерами два дня назад в восемнадцать сорок на углу Горького и Чапаева, повреждения – у «Ланчии» помято крыло. Вторая тачка десять дней назад в двадцать четыре часа задела правым крылом «ГАЗ-3110» белого цвета с воронежскими номерами на выезде из города. За последний месяц ДТП с красными «Ланчиями» больше не зарегистрировано.

– Что ж, я могу только развести руками в ответ на твою проницательность, – улыбнулась я. – И еще раз повторить, как я тебе благодарна.

– И каково реальное выражение твоей благодарности? – тут же спросил Мельников.

– Как какое? Я куплю тебе виллу на Канарах, где мы с тобой проведем незабываемую ночь! Я же всегда расплачиваюсь с тобой именно так! Вот только дело закончу.

– Ага, а я жену предупрежу, – вздохнул Мельников. – И шнурки поглажу. Так что хватит шутить, лучше данные записывай на этих аварийщиков.

– Давай, – посерьезнела я.

– Итак, первый. Вернее, первая. Некто Жанна Анатольевна Коростылева. Второй – Суслов Александр Филиппович, проживает по улице Рябиновой, дом двадцать пять, квартира сто сорок. И телефончик запиши... 51-35-85. Больше ничего о нем сообщить не могу. Ты, я так полагаю, именно им и займешься вначале?

– Да, начать разумнее с него, – согласилась я.

– Ну, желаю удачи. Если надумаешь пригласить в гости, рад буду, – сказал Андрей и повесил трубку.

Я подумала, что Мельников на этот раз вел себя просто изумительно – мало того, что выполнил больше, чем я просила, он даже не стал жаловаться на жизнь вообще и тяготы службы в частности.

Тут снова зазвонил мобильник. На сей раз на связи была Галина Пивоварова.

– Слушай, Таня... – Голос хозяйки кафе звучал обескураженно. – Я даже не знаю, как тебе и сказать... Понимаешь, мне тут Костров заявил одну вещь. Может, он и врет, конечно, чтобы Анатолию досадить – он мастер на всякие розыгрыши и каверзы, но все-таки не до такой степени. К тому же откуда он может знать, что подозреваемый ездит на красной «Ланчии»?

– Подожди, так что случилось-то? – не поняла я.

– Ох... Понимаешь, пока меня не было, в кафе, оказывается, заезжал Анатолий. Он был на красной «Ланчии»! Ну, я же говорила, что он разбил свой джип! Он еще у меня машину просил, но я отказала, – затараторила Галина. – Так вот, кто-то ему, видимо, одолжил свой автомобиль. И главное, у этой «Ланчии» помято крыло! Во всяком случае, мне так Костров поведал. И я даже понятия не имею, откуда она у Анатолия!

– А что, нельзя ему позвонить и все это выяснить? – удивилась я.

– А ты думаешь, я не звонила? – воскликнула Галина. – Только он недоступен! Я позвонила ему в фирму, и мне сказали, что Анатолий срочно выехал в командировку! Нет, ты представляешь? И главное, меня не предупредил, подлец!

– М-да, дела, – протянула я. – Ну что ж, будем ждать его возвращения. Надеюсь, он не сбежал от тебя?

Галина пробормотала что-то нечленораздельное по поводу моего дурацкого чувства юмора и отключилась, правда, добавив, что позвонит мне сразу, как только ее супруг объявится. А я вернулась к своим мыслям.

Итак, сейчас нужно заниматься Сусловым, потому что пока он единственный, чья машина полностью совпадает по описанию с той, которой испугалась Геля Синицына. Не считая, конечно, таинственной «Ланчии», на которой был Пивоваров. А может быть, это и есть сусловская машина? Я понятия не имела, был ли у Анатолия знакомый с такой фамилией. Да еще настолько знакомый, чтобы давать ему свою машину. Но это и понятно: в конце концов, мы не такие уже приятели с Пивоваровыми, чтобы я знала их близких друзей. Одним словом, все равно нужно было ехать к Александру Филипповичу и все выяснять непосредственно у него.

Однако, позвонив предварительно по телефону Сулову домой, я услышала детский голос, сообщивший, что папы нет дома. Ухватившись за то обстоятельство, что трубку снял ребенок, а не жена, я попробовала выяснить, где работает папа, понимая, что от жены такую информацию вряд ли можно было получить.

– Папа работает в поликлинике, – простодушно ответил голосок. – Он врач главный...

– А в какой поликлинике? – с надеждой спросила я.

– В девятой, это далеко, он на машине ездит, – поведало дитя.

В городе была только одна девятая поликлиника, без всякого уточнения, поэтому я не стала выпытывать у ребенка дополнительных сведений, решив, что мне вполне хватит знания имени-отчества-фамилии интересующего меня человека, а также его должности.

Взяв свою сумочку, я села в машину и отправилась в девятую поликлинику. Находилась она и впрямь далековато, к тому же на довольно высокой горе, но я была там через двадцать минут. Оставив машину во дворе, прошла внутрь здания и сразу же направилась в регистратуру.

– Простите, а где я могу увидеть Александра Филипповича Суслова? – обратилась я к сидящей за стеклом девушке.

– Он должен быть в своем кабинете, это на втором этаже, – пояснила та. – Там табличка – главный врач.

Я поблагодарила ее и стала подниматься на второй этаж, радуясь тому, что в медицинских учреждениях практически не задают вопросов, по какому поводу нужен тот или иной врач – почти все принимают за само собой разумеющееся, что перед ними потенциальный пациент. Только вот как объяснить свой интерес к Суслову ему самому, я пока не знала и надеялась определить это по ходу беседы.

На втором этаже меня, однако, ждало разочарование – дверь с табличкой «Главный врач» оказалась заперта. Мне ничего не оставалось делать, как присесть на один из стульев у стены и ждать.

Я просидела так минут двадцать, мимо туда-сюда проходили люди в белых халатах, однако мужчин среди них не было, и никто не отпирал нужную мне дверь. Наконец я увидела приближавшуюся из другого конца коридора пару.

Высокий, очень полный мужчина в очках, с белой шапочкой на голове, шел вперевалочку, что-то говоря идущей рядом с ним молодой девушке в голубом медицинском халате. Когда они приблизились, я услышала голос мужчины:

– Людочка, приготовьте мне, пожалуйста, кофе. Только покрепче, хорошо?

– Хорошо, Александр Филиппович, – ответила девушка и простучала каблучками по коридору.

Александр Филиппович принялся отпирать дверь кабинета, я встала и подошла к нему.

– Вы ко мне? – отдуваясь, спросил он, причмокивая пухлыми губами.

– Да, к вам, – кивнула я.

– Через минуточку заходите, хорошо? – раздувая и без того пышные щеки, попросил главный врач и, неуклюже пятясь и поворачиваясь, чтобы протиснуться в дверь, скрылся в кабинете.

Однако через минуточку в кабинет прошагала Людочка с чашкой горячего кофе, и Александр Филиппович, конфузливо улыбаясь и шутливо разводя толстыми руками, попросил меня, заглянувшую следом в кабинет, подождать еще пять минуточек. Когда они истекли, он наконец соблаговолил меня принять.

– Садитесь, пожалуйста, – сложив пухлые губки бантиком и сглатывая слюну, предложил он, показывая на стул напротив его стола.

Стол у Александра Филипповича был очень массивным, сам он сидел в кресле, тоже довольно большом, но и оно, кажется, с трудом выдерживало его крупное тело. У Суслова были маленькие, заплывшие жиром серые глазки, казавшиеся еще меньше из-за круглых очков, шапочку свою он снял, обнажив редящие каштановые волосы, давно не стриженные и в беспорядке торчавшие на голове. Присмотревшись, я обнаружила, что лицо у него довольно молодое, седых волос абсолютно нет и что ему никак не больше тридцати восьми, хотя на первый взгляд можно дать все пятьдесят. Такое впечатление возникало в первую очередь из-за его избыточного веса. В результате этого он страдал одышкой и обладал тяжелой переваливающейся походкой, что здорово его старило. Он выглядел образцом добродетели и нравственно-

сти. Мысль о том, что этот добродушный и безобидный с виду гора-человек мог изнасиловать девушку, показалась мне абсолютно нереальной, и я уже подумала, что зря сюда пришла. Но раз уж пришла, то нужно задать соответствующие вопросы хотя бы для очистки совести.

– Слушаю, слушаю, – говорил Александр Филиппович как-то печально, возясь в кресле и пытаясь усесться поудобнее.

– Александр Филиппович, какая у вас машина? – в лоб спросила я.

Суслов удивленно захлопал ресничками, зашлепал губами и поднял на меня растерянный взгляд. Вид у него был как у ребенка, которому неожиданно, безо всякой на то причины сказали, что сейчас он пойдет в угол вместо того, чтобы смотреть телевизор.

– То есть как... То есть что значит какая... – закудахтал он.

– Ну, марка какая? И цвет? – продолжала уверенно спрашивать я.

– Ну... «Ланчия», – пожав плечами, как-то обиженно ответил Суслов. – А что? Что-то случилось с моей машиной? Или вы по поводу той аварии? Так там же все... так сказать... улажено. И претензий никто не предъявляет, я, так сказать, конфликт этот сразу замял, так что...

Суслов говорил очень быстро, шепелявя и отдуваясь при этом, что очень плохо отражалось на его дикции, и мне приходилось очень напрягать слух, чтобы понять, что говорит этот человек.

– Вы сегодня на ней? – спросила я.

– Да... – совсем растерялся главный врач. – А что такое, что происходит? Вы уж объясните мне, пожалуйста, а то знаете, как-то... так сказать... Неожиданно все.

«Значит, Пивоваров взял машину не у него», – ответила я себе хотя бы на один вопрос, а вслух сказала:

– Ничего страшного. Дело в том, что идет проверка людей, имеющих красный автомобиль «Ланчия». Вы просто один из этого списка, вот и все. Если вы не знаете за собой никаких грехов, бояться вам нечего. Верно?

– Простите, простите, – шепелявя, зачмокал губками Суслов. – А вы, собственно, кто? И что это, так сказать, за проверка, позвольте узнать? Вы из милиции?

– Нет, я из другого ведомства, – почти не соврала я, думая, что, если Александр Филиппович потребует у меня документы, придется признаться, что я всего лишь частное лицо. А это значит, что он запросто может выставить меня из кабинета и отказаться отвечать на вопросы. Такое со мной уже бывало. Но что еще можно было сделать в такой ситуации? Пользоваться липовыми документами сотрудника прокуратуры мне совсем не хотелось!

– Вы простите, я всегда рад оказать... так сказать... содействие, но... Я не знаю, чем, собственно, я могу помочь? Я вам, кажется, уже ответил?

– Да, ответили на первый вопрос, – согласилась я. – Но у меня тогда возникает следующий. Не можете ли вы припомнить, где вы были двадцать восьмого мая этого года?

Я заметила, как Суслов начал покрываться красными пятнами, пока постепенно не стал совсем пунцовым. Рот его стал еще более округлым и пухлым и горел на лице вишенкой.

– А что, собственно... А почему, собственно... – Шлепанье губами стало совсем невнятным, а глазки виновато забегали из стороны в сторону.

«Неужели я на верном пути? – внутренне удивилась я. – Неужели внешность может быть такой обманчивой? Почему он так нервничает, если ни при чем?»

– Александр Филиппович, я же говорю, что это обычная проверка, – постаралась я его подбодрить и даже улыбнулась. – Скажите, где вы были, и дело с концом! Я запишу эти сведения и отстану от вас.

– Но я, так сказать... Не помню совершенно, где я был, – заморгал глазками Суслов. – Это же было бог знает когда, разве я могу помнить...

На губах его пенкой выступили слюни.

– Ну, давайте попытаемся вместе, – пришла я ему на помощь. – Это было воскресенье, вы наверняка не работали. Вспомните какую-нибудь запоминающуюся дату, ближайшую к этому дню, и попробуйте, отталкиваясь от нее, восстановить события.

Александр Филиппович раздул щеки, потом выдохнул воздух и сокрушенно покачал головой.

– Не помню! – почти умоляюще проговорил он. – Ну, вот хоть убейте – не помню. Вы уж простите меня, – он снова начал широко улыбаться, видимо, успокаиваясь. – Что поделаешь, что поделаешь, столько времени прошло... Если я вдруг что-то вспомню, я, конечно же, сообщу, если, вы мне оставите ваши, так сказать, координаты...

Я, поняв, что продолжать разговор смысла не имеет, поскольку Суслов в этом случае свернет его сам, вздохнула и поднялась, сказав на прощание главному врачу:

– Вам самому перезвонят. Или вызовут. А пока извините.

Мне не хотелось оставлять Суслову свой телефон, по номеру которого он мог легко вычислить, кто я такая, а мне это было совсем не на руку. Суслов произвел на меня двойственное впечатление. Одно было несомненно – он помнит, где был в конце мая, но почему-то скрывает это. И нужно выяснить, по крайней мере, ходил ли он в тот период на работу. Желательно бы пообщаться еще с кем-то из его окружения, но с кем?

Подумав немного, я пришла к выводу, что вряд ли кто-либо из сотрудников поликлиники предоставит мне какую-то информацию на их главного врача. Тем более вряд ли со мной захочет говорить жена Суслова. Да и вообще кто-либо из его близких. А посему ничего не оставалось делать, как вновь отправиться просить помощи у Мельникова.

Андрей Александрович, выслушав меня, на сей раз досадливо крикнул и почесал голову.

– Итак, ты предлагаешь мне заняться проверкой уважаемого человека, главного врача, на том лишь основании, что парализованная девушка – проститутка, заметим, – затряслась как заяц при виде его машины. Причем даже неясно, при виде его ли машины она затряслась.

Подполковник Мельников нечасто имел основания насмехаться надо мной и уличать в неадекватности действий. Поэтому данный случай он решил использовать на полную катушку.

– Но у его машины помято крыло! – попробовала убедить Мельникова я.

– Ну и что? – пожал плечами подполковник. – Она же испугалась машины, а не помятого крыла. И потом, где гарантия, что ее изуродовал владелец красной машины? Она могла испугаться и по другому поводу.

– Но что-то ведь нужно делать! – воскликнула я. – Почему не постараться выяснить хотя бы, где он был в тот период, когда с Гелей это все случилось?

– А как ты будешь это выяснять? – хмыкнул Мельников. – Еще раз повторяю – на каком основании? Он же сам тебе сказал – я не помню! И может утверждать это сколько угодно, и никто не имеет права ему сказать – придется вспомнить. И даже я не имею.

– Хорошо, – понизила тон я. – Ты можешь хотя бы поручить кому-нибудь узнать, был ли в то время Суслов на работе? Это, я думаю, совсем не будет сложно для сотрудников твоего ведомства. И нисколько не скомпрометирует этого добропорядочного толстяка.

Мельников задумчиво поскреб голову. Потом в глазах его я заметила промелькнувшую искорку, похожую на хитринку.

– А ведь это мысль, – рассмеялся он.

– Чего ты? – не поняла я.

– Да есть у меня тут один кадр, – сказал Андрей Александрович. – Ты, кстати, его прекрасно знаешь – Арсентьев его фамилия! Так и рвется в бой, как конь ретивый. Вот я ему это и поручу, посмотрим, как справится. А то, если честно, он уже достал меня своей жадой подвигов и славы. Сейчас я его вызову.

Подполковник, явно повеселев, снял трубку телефона и, подмигнув мне, серьезно сказал в нее:

– Арсентьева ко мне, срочно!

Капитан Арсентьев был мне очень хорошо знаком. Мне доводилось раскрыть не одно дело в сотрудничестве с ним. Это был молодой, но уже лысоватый человек с чрезвычайно серьезным лицом. Был Арсентьев несколько дубоват, но очень исполнительен и старателен. В качестве подручного, которому не нужно много думать, а надлежит исполнять приказы, он был незаменим. Правда, несмотря на свою ретивость, он все еще ходил в капитанах, да и это-то звание получил в основном благодаря совместной со мной работе да благосклонности подполковника Мельникова. И стать майором ему вряд ли светило в ближайшем будущем. Я невольно улыбнулась, вспомнив усердного капитана. Что ж, поработаем снова... Глядишь, и помогу хорошему человеку заслужить звездочку. Правда, подвигов у нас не ожидается, но раскрытие тяжелого преступления тоже дорогого стоит.

Буквально через минуту в кабинет порывисто зашел капитан Арсентьев, четко печатавая шаг.

– Слушаю, товарищ подполковник! – отчеканил он без всякого выражения на лице. Потом увидел меня и произнес уже мягче: – Здравствуйте, Татьяна Александровна!

– Привет, – откликнулась я.

– Значит, так, Арсентьев, – небрежно бросил Мельников. – Есть тут один толстячок, главврач... Суслов его фамилия. Есть подозрение, что он извращенец и уродует молодых девушек. Надо его проверить, где он был в конце мая. А если выяснишь, где он был конкретно двадцать восьмого, вообще будешь молодец.

– Понял! – отрубил Арсентьев. – Разрешите идти?

– Подожди, – ласково остановил его Мельников. – Куда ты пойдешь-то? Хоть данные запиши... Этот толстяк работает в девятой поликлинике, зовут его Суслов Александр Филиппович, у него красная «Ланчия». Он мнется, ничего не говорит, где был двадцать восьмого мая, хотя явно нервничает при этом, есть подозрение, что что-то скрывает...

– Выясню, – с железобетонной уверенностью отрапортовал Арсентьев. – Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Мельников.

Арсентьев щелкнул каблуками, и я невольно представила, как он сейчас гаркнет во всю мощь: «Служу России!» И еще представила, с какой въедливой дотошностью и безапелляционностью Арсентьев будет давить на захлебывающегося в оправданиях несчастного слюнтяя Суслова.

Я поблагодарила Мельникова за помощь и отправилась домой. Необходимо было подумать, прежде чем двигаться дальше.

ГЛАВА 3

Итак, первую версию можно частично считать отработанной. Оставалось только ждать результатов проверки Суслова. Но я не хотела сидеть без дела и считала нужным пока заниматься разработкой других версий.

У меня была возможность продолжить исследование всех владельцев красных «Ланчий», отмечая их одного за другим, но занятие это представлялось малопродуктивным и обременительным во временном плане. Другое дело – Шумилкин. Этот человек обнаружил Гелю, следовательно, является главным свидетелем в деле. И с ним просто необходимо встретиться. Поэтому свой очередной день я вновь начала с посещения его дома. Я не оставляла надежд застать его там и поговорить с ним. Примерно представляя себе этого человека, я подумала, что разговор пойдет куда лучше, если его, что называется, задобрить, для чего и купила в ближайшем магазине несколько салатов, колбасы, сыра и бутылку водки.

В первую минуту, когда приехала туда, где в прошлый раз меня ждала неудача, я почувствовала, что она, эта неудача, снова наступает. За дверью домика была гробовая тишина. В этот раз не было соседок, и меня этот факт скорее обрадовал – не будет лишних разговоров и ненужного любопытства.

Я продолжала стучать без особой уже надежды на успех. Вдруг за дверью послышались шаркающие шаги, и мужской голос произнес:

– Сейчас, сейчас, иду...

Мне показалось, что голос звучал немного суетливо и даже подобострастно. На основании этого я решила избрать тактику напора и натиска.

Дверь приотворилась, и на пороге возник худощавый мужчина средних лет, довольно красивый, с лукавыми серыми глазами, в дорогом, хоть и неглаженном костюме. Чувствовалось, что мужчина когда-то был щеголем и пользовался успехом у противоположного пола. Кроме того, он, видимо, раньше был привычен к вниманию и уважению окружающих. Следы бывшего лоска еще сохранились в его облике, хотя, конечно, представительности и уверенности в себе в нем явно поубавилось. Увы, золотые дни Шумилкина уже миновали, и боюсь, что безвозвратно, так что теперь он просто пытался распушить хвост, стараясь придать себе большей солидности и значимости.

– Здравствуйте, Виталий Георгиевич! А я к вам, – с ходу звонко сказала я и, не дожидаясь приглашения от хозяина, переступила порог.

– Здравс-сьте, – удивленно проговорил он, обнажая в неопределенной улыбке ровные белые зубы.

Я безошибочно определила состояние Шумилкина как похмельный синдром. Впрочем, судя по всему, данный синдром он испытывал постоянно. Гостям, безусловно, Виталий Георгиевич рад не был – синдром обязывал, – но на этот счет у меня имелся неопровержимый аргумент в виде бутылки водки, которая лежала в пакете и ждала своего часа. Я обычно чувствовала, как вести беседу с человеком, подобным Шумилкину: в каком случае налить ему сразу, чтобы разговор шел легче, а в каком, наоборот, придержать вознаграждение до конца беседы, чтобы оно служило стимулом быть искреннее.

– Это... Вы кто?... По поводу Тамары, что ли? – скороговоркой выдохнул Шумилкин. И добавил быстро, отрывисто произнося каждую фразу высоким тенорком: – Это... Так она... Здесь больше не живет. Я ее... так сказать, удалил. – И Шумилкин попытался рукой изобразить решительный жест, свидетельствовавший о том, что выгнал он Тамару с треском, по-мужски, и полностью исключал возможность ее возвращения сюда в любом качестве.

– Я не по поводу Тамары, – четко ответила я, улыбнулась краешком губ и вытащила бутылку водки из пакета.

Эффект был ошеломляющим: взор Шумилкина вдруг прояснился, на лице появилась ухмылка, и он попытался изобразить максимум гостеприимства. Подбоченясь и гордо задрав голову, он небрежным движением выбросил правую руку вверх и как-то даже вальяжно произнес:

– Проходите... Сейчас все... Организуем, все будет высший класс... Как в лучших домах Филадельфии...

– Вы там бывали? – осведомилась я, проходя внутрь жилища Шумилкина и рассматривая обстановку.

Атмосфера в доме была противоречивой: наряду с дорогой мягкой мебелью наличествовали два старых стула – то ли Шумилкин продал те, что из комплекта, то ли Тамара забрала с собой. Навесные потолки кое-где не мешало бы подправить, а хорошие светлые обои уже начали отставать по углам. Дом хранил черты прежней добротности, но в нем уже прочно укоренились черты нынешней жизни Шумилкина, далеко не столь пышной и богатой. Бытовой техники почти совершенно не наблюдалось, за исключением такой мелочи, как выдавший виды электрочайник, который стоял на полке, с оплавившимся проводом и, скорее всего, давно перестал функционировать. Что находилось в остальных комнатах, а тем более наверху, я не видела: темно-коричневая дверь с блестящей ручкой была закрыта. Я подозревала, что Шумилкин, оставшись в одиночестве, вообще довольствуется только этой комнатой. Виталий Георгиевич тем временем подошел к шкафу, достал из него блестящий галстук и небрежным движением повязал его на шею.

– Нет, не приходилось, – ответил Шумилкин, суетливо хлопоча возле стола, сбрасывая с него крошки, убирая грязную посуду. – Но в Америке бывал.

– Вот как? – Я удивленно приподняла брови.

– Да... – гордо поднял голову Виталий Георгиевич. – Я же разведчик... Бывший...

Этим он добил меня окончательно. Впрочем, потрясения были еще впереди. Шумилкин неожиданно откинул голову назад, усмехнулся и, насмешливо глядя на меня своими серыми глазками, произнес по-английски без акцента:

– Хай, май лэди! Тэйк ит изи! Иф ю уонна дринк, ю хэв ту ду ит райт нау!

Я не очень хорошо знаю английский, но по жестам Шумилкина поняла, что хозяин приглашает меня к столу и подтверждает, что сейчас все будет организовано по высшему классу.

– Ну что? – перешел Шумилкин на русский, довольный произведенным эффектом. Вот так...

Я не стала торопить события и расспрашивать, а выставила бутылку на стол вместе с закуской. Я уже поняла, что Шумилкин относится к типу пьющих хвастунов и болтунов. Это было на руку. К тому же рассчитывала, что бутылка сделает его более разговорчивым.

Взгляд Шумилкина на гастрономические прелести был скептическим, чем немало поразила меня. Словно рафинированный английский лорд, которого занесло волею судьбы в маленькую шотландскую деревню, был вынужден довольствоваться скромным крестьянским обедом.

Он выпил первые пятьдесят граммов, крикнул, причмокнул и тут же начал быстро говорить, презрительно вытянув губы трубочкой:

– Эта колбаса ненастоящая... Я вам точно говорю. Вот в Москве, еще тогда, при социализме, в одном посольстве я ел сервелат. Отличный сервелат, отличный. Сейчас такого нет.

– А вот салат попробуйте, Виталий Георгиевич, – подвинула я пластмассовую коробочку.

– Оливье, – с видом знатока резюмировал Шумилкин. – К настоящему рецепту этот ваш салат не имеет ни малейшего отношения! Где говяжий язык? Где корнишоны? Самые лучшие салаты делают во Франции.

– Вы и там были?

– Приходилось, – кратко ответил Шумилкин. – Где только бывать не приходилось... Это сейчас все развалилось, все ушли кто куда. А я вот... На пенсию вышел по возрасту, а раньше

был переводчиком в КГБ. Бывало, вызовет меня Роман Абрамович, полковник, и говорит: «Виталь, дело есть одно, сложное. Никто, кроме тебя, не справится. Там нужно английский знать досконально». Я говорю – нуу проблем, тэйк ит изи! Меня сразу – в самолет, завтра я на месте, обед, виски, капитан честь отдает... Чай, кофе «Арабика» настоящий. Нормально? – спросил он и тут же сам себе ответил: – Нормально... Возвращаюсь – Роман Абрамыч говорит: «Молодец!» Открывает ящик, достает конверт, говорит – бери! Я беру, раскрываю, а там – пятьсот... Нет, семьсот... баксов. Вот так! Это еще тогда было, при советской власти...

– А что же вы делали? – решила спросить я, удивленная рассказом хозяина дома.

– О-о-о! – поднял палец вверх Шумилкин и ухмыльнулся. – Об этом я до сих пор говорить не могу. Секретность... Сорри.

Я понимающе кивнула и подлила водки в стакан бывшего разведчика. Я видела, что ему самому до смерти хочется продолжить рассказы о своем боевом прошлом и что он только ломается и тянет время, набивая себе цену. Шумилкин опрокинул еще одну рюмку и, придвинувшись ко мне, доверительно сказал, оттопырив нижнюю губу:

– Вы – умная женщина! Сразу видно. Умная. С вами можно откровенно говорить. Я... разведчик. Не говорю с первым попавшимся, а вы, я вижу, нормальный человек. Вас как зовут?

– Татьяна, – коротко ответила я.

– Чем занимаетесь? – отрывисто спросил Шумилкин, в котором неожиданно проснулись профессиональные рефлексy – если, конечно, он не врал насчет своего прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.